

Шан Сижуй тоже был глубоко опечален, настолько, что даже не мог наслаждаться общением с Чэн Фэнтаем, и поспешил навестить Хоу Юйкуя. Вокруг больного находились только его ученики и внуки, которые, то ли из-за чувства вины, то ли из страха ответственности, долго объясняли Шан Сижую, что Хоу Юйкуй, будучи приверженцем традиционной китайской медицины, отказывался от западных методов лечения, и поэтому его состояние ухудшилось. Шан Сижуй не стал слушать их оправданий, взглянул на лицо Хоу Юйкуя и понял, что тот действительно умирает. Он вспомнил, как на Новый год приходил поздравить Хоу Юйкуя, и они вместе курили опиум, а старик рассказывал ему истории из театрального мира, рассуждал о причинах упадка оперы кунъюй и о том, как создавать новые пьесы и учить учеников. Тогда это казалось просто разговором, но теперь Шан Сижуй понял, что это было что-то вроде завещания.

Слёзы навернулись на глаза Шан Сижую, он сел у кровати и взял руку Хоу Юйкуя:

— Дедушка! Вы не можете уйти! Мы ещё не насладились общением...

Ученики переглядывались, не понимая, какого рода отношения связывают их учителя и этого актёра.

Хоу Юйкуй держался на капельницах, но не дожил до цветения граната. Шан Сижуй узнал о его смерти, когда царапины на его лице уже зажили, и он, снимая макияж за кулисами, радостно слушал шутки Чэн Фэнтая. Представитель Общества Циньянь, Ню Байвэнь, с печальным видом сообщил эту новость. За кулисами воцарилась мёртвая тишина, затем раздались вздохи. Шан Сижуй медленно встал, издал звук «Ах!» и снова сел.

Ню Байвэнь, знавший о дружбе Хоу Юйкуя и Шан Сижую, с искренностью произнёс:

— Старик Хоу прожил долгую жизнь, он был уважаем и при дворе, и среди простых людей. Он прожил достойно! Не будем слишком печалиться, главное — достойно устроить его похороны.

Затем он добавил:

— Господин Шан, у Хоу Юйкуя нет достойных наследников, его старшему внуку всего десять лет, и в доме нет человека, который мог бы всё организовать! Я, Ню Байвэнь, сделаю всё, что в моих силах, и не стану отказываться! Вы же первый человек в театральных кругах Бэйпина, вы должны взять на себя главную роль!

Шан Сижуй задумчиво кивнул:

— О!

Затем добавил:

— Я слишком молод, как я могу быть достоин? Есть же ещё несколько старейшин!

Ню Байвэнь воспринял это как скромность и с улыбкой ответил:

— Молодость — не помеха, ваша репутация говорит сама за себя!

Затем он встал, поклонился и ушёл:

— Оставайтесь, не пропустите спектакль. Мне ещё нужно сообщить печальную новость другим звёздам.

Шан Сижуй провёл вечер в мрачном настроении. На следующий день он отменил все спектакли, надел траурные одежды и вместе с учениками Хоу Юйкуя и другими звёздами начал бдение. Хотя он был искренне предан, к ночи ему стало скучно. Сидя перед свечами и сжигая бумажные деньги в жаровне, в этой тишине, окружённый белыми занавесями, Шан Сижуй решил подстроиться под обстановку и начал тихо напевать знаменитую пьесу Хоу Юйкуя «Возмездие за дивную несправедливость», рассказывающую о духе, который возвращается, чтобы отомстить. Он так мастерски передал стиль Хоу, что ученики покрылись мурашками и умоляли его:

— Господин Шан, пожалуйста, не пугайте нас сейчас! Спойте на похоронах!

Шан Сижуй ответил:

— Чем я вас пугаю? Это же знаменитая пьеса вашего учителя, вы должны чувствовать её близость, чего бояться?

Младшая внучка, не выдержав ночного бдения, задремала, но, проснувшись от призрачного пения Шан Сижуйя, испугалась и заплакала, утверждая, что слышала, как бабушка поёт. Жёны учеников, тоже напуганные, под предлогом утешения ребёнка ушли и больше не возвращались.

Шан Сижуй с недовольством замолчал.

К полуночи Шан Сижуй тоже почувствовал усталость и начал клевать носом, как вдруг кто-то потянул его за ухо. Он проснулся и увидел Чэн Фэнтая. Тот, закончив играть в маджонг, решил навестить Шан Сижуйя под предлогом соболезнования. Увидев, как Шан Сижуй, проснувшись, продолжает тереть ухо, он рассмеялся.

Здесь, в отличие от кулис Терема Водных Облаков, за ними наблюдали многие. Шан Сижуй, потирая ухо, огляделся, и звёзды тут же отвели взгляд.

Старший ученик Хоу Юйкуя поспешил выручить их, сказав:

— Господин Чэн, как мило с вашей стороны прийти в такое время, чтобы почтить память нашего учителя. Он часто вспоминал вас перед смертью.

Чэн Фэнтай с грустью ответил:

— Мы с вашим учителем познакомились в резиденции князя Ань и сразу нашли общий язык. Я

обожаю театр, а Хоу любил рассказывать мне о нём. Какой искренний был человек! Я тогда советовал ему меньше курить опиум, но он говорил, что его тело, как у воина, крепкое! Я даже обещал подарить ему мундштук из аметиста. Кто бы мог подумать... В эти дни я занят, но завтра обязательно приду на похороны.

Шан Сижуй слушал это с отвращением. Как можно так бессовестно врать перед покойником! В резиденции князя Ань они с Хоу Юйкуем даже не обменялись парой слов!

Старший ученик кивал, продолжая:

— Да, учитель часто говорил мне, что, несмотря на ваш западный стиль, вы знаете о театре не меньше нас.

Чэн Фэнтай с сожалением вздохнул:

— Хоу знал меня, и я мог говорить с ним и с господином Шаном. Теперь, когда Хоу ушёл, у меня остался только господин Шан.

Шан Сижуй не выдержал и резко встал. Старший ученик давно понял, что между ними что-то есть, и, видя, как Чэн Фэнтай шутит с Шан Сижуюем, решил, что их визит неслучаен. Он пригласил Чэн Фэнтая на ночной ужин, а Шан Сижуюя попросил составить компанию. Как только они ушли, актёры в зале начали перешёптываться.

Шан Сижуй, войдя, сказал:

— Люди не должны так поступать!

Чэн Фэнтай подумал, что он боится, что их отношения станут известны, и с улыбкой произнёс:

— О, так господин Шан боится, что о нас узнают?

Шан Сижуй на мгновение задумался, затем ответил:

— Что в этом страшного? Пусть знают.

Чэн Фэнтай поманил его, и он сел к нему на колени. Как только они соприкоснулись, недовольство Шан Сижуюя почти исчезло. Он обнял Чэн Фэнтая за шею и пробормотал:

— Как ты мог так врать! Это просто наглость!

Чэн Фэнтай с невинным видом ответил:

— Я не собирался так говорить, но он начал, что Хоу вспоминал меня перед смертью, и я просто поддержал разговор!

Шан Сижуй подумал и согласился, перестав упрекать. Он взял кусочек пирога с пастой из бобов и начал есть, но на третьем куске Чэн Фэнтай согнал его с колен:

— Ты такой худой, но почему такой тяжёлый? Словно кости из свинца.

На самом деле он просто привык к лёгким женщинам.

— Говорят, траурные одежды делают человека красивее. Господин Шан, этот мешок тебе очень идёт.

Шан Сижуй фыркнул и ушёл с тарелкой. Чэн Фэнтай, чтобы развлечься, спросил:

— Когда я заходил, видел Сы Си'эра, он мне подмигнул. На этот раз с ним был не Малыш Чжоу. Может, он его убил?

— Не может быть! — Шан Сижуй махнул рукой. — Как только закончим с похоронами, я займусь Малышом Чжоу.

Затем он вдруг улыбнулся Чэн Фэнтаю с особой нежностью:

— Эрье, сможешь мне забрать его?

Чэн Фэнтай не хотел:

— Какие у меня дела с вашими театральными кругами? Фань Лянь был бы более подходящим.

— Тогда пусть Фань Лянь заберёт. Я не могу, Сы Си'эр ненавидит меня, и если узнает, что это я хочу забрать Малыш Чжоу, то точно убьёт его.

— Вот это у тебя отношения!

Шан Сижуй возразил:

— У меня хорошие отношения со всеми, кроме Сы Си'эра!

Чэн Фэнтай, попивая чай, кивнул:

— Верно, ты же щедрый, как бог богатства! Конечно, у тебя хорошие отношения!

Он всё ещё не мог забыть долговые расписки.

— Я не хочу иметь дел с Сы Си'эром, он как прилипла! Это же значит, что мне придётся с ним флиртовать! Лучше сам поговори с Фань Лянем.